

Трибуна соискателя

ВНЕШНЯЯ ПОМОЩЬ ИРАКУ: ОБЕЩАНИЯ ДОНОРОВ И КОМПРОМИСС ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

© 2020 Р. МАМЕДОВ

DOI: 10.31857/S032150750008722-6

МАМЕДОВ Руслан Шакирович, аспирант кафедры востоковедения МГИМО-университета МИД России (rmamedov@russiancouncil.ru)

Резюме. Вопросы постконфликтного восстановления и создания благоприятных условий для привлечения помощи извне обрели особую актуальность в Ираке после объявленной правительством страны победы над «Исламским государством» (ИГ). Однако системные проблемы иракской государственности продолжали негативно влиять на этот процесс. В статье представлен анализ специфики взаимовлияния развития внутривластной обстановки, зависящей от поведения политической элиты, и оказания международной помощи Ираку.

Ключевые слова: ИГ, Ирак, внешняя помощь, политические элиты, восстановление

Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-37-01018-ОГН.

FOREIGN AID TO IRAQ: DONORS PROMISES AND POLITICAL ELITES COMPROMISE

Ruslan Sh. MAMEDOV, Post-graduate student, Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia (MGIMO-University) (rmamedov@russiancouncil.ru)

Abstract. Post-conflict reconstruction and creation of favorable conditions for attracting foreign aid have gained particular relevance in Iraq following the defeat of the "Islamic State" (IS). The results of the International Conference for Reconstruction of Iraq, which was held in Kuwait in February 2018, were contradictory. Most foreign aid projects and sums were pledged in a form of investments and loans. Foreign aid, on the one hand, has a positive effect on the situation in the country in terms of population support, but on the other hand has a number of negative effects. So, in conditions of external assistance, the ruling elite becomes dependent on it and preserves the situation. Elites do not solve problems and stop pushing for real development of institutions. At the same time, the elite itself is fighting for the distribution and management of this external assistance, which gives rise to the tensions within the Iraqi ruling class. Nevertheless, in the absence of external assistance and the need to receive it and get those funds coming to the country, in general, other processes take place. Despite deep differences, the factor of the need to obtain external funds also contributed to the finding a compromise among the Iraqi ruling elites, as it happened, for example, in the context of the formation of a new government in 2018.

Nevertheless, the problems of ensuring security, political instability, corruption and inefficiency of state institutions negatively affect the attraction of international assistance. Recognizing the existence of complex interdependencies between the development of the domestic political situation, which depends on the behavior of the political elite, and foreign aid to states weakened by armed conflict, this study aims to analyze the specifics of the mutual influence of these factors in Iraq after the victory over IS.

Keywords: IS, Iraq, foreign aid, political elites, reconstruction

На проходившей в феврале 2018 г. в Кувейте Международной конференции по восстановлению Ирака международными донорами были обещаны средства, которые в основном не были выделены и освоены по настоящий момент ввиду имевшихся рисков и зависимости этого процесса от нового избирательного цикла 2018 г. Доноры ожидали формирования правительства в условиях отсутствия уверенности в сохранении своей позиции премьер-министром Х. аль-Абади. Для решения задачи по привлечению внешних средств на начальном этапе постконфликтного восстановления Ирака существовала необходимость в достижении договоренностей иракской элитой о распределении властных полномочий

и запуске реформ, а также оправдании ожиданий доноров, традиционно обеспокоенных структурной и функциональной слабостью государства.

На процесс выделения внешней помощи Ираку в рассматриваемый период негативно повлияли три ключевых фактора. Во-первых, традиционным фактором, препятствующим поступлениям в Ирак средств доноров и инвесторов, можно назвать коррупцию и неэффективность реформ. Во-вторых, сохранялись проблемы в сфере безопасности - в первую очередь, высокий уровень угрозы со стороны сохранившихся спящих ячеек ИГ. В-третьих, иракские элиты вступали в трудозатратный и долговременный процесс достижения компромисса по вопросу формирования

функционирующего правительства, которое могло бы эффективно взаимодействовать с донорами. Это тесно связано с нерешенностью вопросов национального примирения и распределением властных полномочий (проблемой интеграции представителей суннитских интересов во властные структуры, обострение «курдского вопроса» после проведения референдума о независимости Иракского Курдистана и др.).

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КУВЕЙТЕ

Сопредседателями Международной конференции по восстановлению Ирака выступили Миссия ООН по оказанию содействия в Ираке (МООНСИ), Европейский Союз и Всемирный банк.

В поствоенный период иракское правительство - при поддержке Всемирного банка - подготовило оценку постконфликтных потребностей страны, которая была опубликована в преддверии этой конференции, собравшей представителей 76 стран и международных организаций. Составители оценили потребности Ирака в \$88 млрд [1, р. 4], но на самой конференции удалось мобилизовать лишь \$30 млрд. При этом наибольшие суммы были обещаны соседями Ирака - Турцией и монархиями Персидского залива, значительная часть - в виде кредитов и инвестиций. Тем не менее, отнюдь не все обещания на данный момент выполнены. Как отмечалось иракским министром жилищного строительства и восстановления Бангеном Рекани в феврале 2019 г., обязательства доноров так и не материализовались, а правительство не смогло в достаточной мере устранить свои структурные и функциональные недостатки. Таким образом, власти провалили задачу по привлечению внешних средств на начальном этапе.

В рамках кувейтских встреч Турция заявила о готовности вложить \$5 млрд, не уточняя самих условий. Кувейт пообещал \$2 млрд, из которых по миллиарду предназначены на займы Багдаду и прямые инвестиции. Королевство Саудовская Аравия выделила \$1 млрд на инвестиционные проекты и \$500 млн на поддержку экспортных товаров. Катар пообещал \$1 млрд в форме кредитов и инвестиций, тогда как ОАЭ были готовы содействовать в размере \$500 млн инвестиций. Британия объявила о кредитных льготах, достигающих \$1 млрд в год в течение 10 лет, в то время как США предоставили своим компаниям для работы в Ираке кредитную линию на \$3 млрд [2].

Одним из ключевых доноров для Ирака стал Всемирный банк. Еще в кризисный 2014 г. ВБ обещал Ираку \$600 млн. Уже к 2018 г. он увеличил помощь Ираку до \$4,7 млрд [2], из которых \$300 млн планировалось направить на улучшение условий 1,5 млн семей из беднейших слоев Ирака. Однако стоит упомянуть, что в рамках самой конференции Всемирный банк добавил только 2 проекта стоимостью \$510 млн. Во многом сама при-

верженность ВБ в 2014-2015 гг. выделению Ираку помощи в таких размерах влияла и на других акторов, поскольку этот фактор стал мощным сигналом для внешнего мира и внутрииракских игроков. Он ознаменовал, помимо прочего, стремление внешних сил и доноров сохранить и поддерживать иракскую государственность в кризисный период потери Багдадом контроля над большой частью своей территории.

Европейский Союз, будучи, как и Всемирный банк, сопредседателем конференции по восстановлению Ирака, в основном ссылается на имеющуюся договорно-правовую базу. В этом плане стоит указать Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Ираком от 2012 г., которое вступило в силу только в августе 2018 г., и Стратегию ЕС для Ирака от 22 января 2018 г. ЕС объявил о том, что внешняя помощь Ираку с 2014 г. составляет 1 млрд евро. Тем не менее, стоит обратить внимание на цифры и получателей этих средств. По документам ЕС, общая гуманитарная помощь Ираку составляет 420 млн евро, а сотрудничество в области развития (*development cooperation*) - 309 млн евро с начала кризиса в 2014 г. Кроме того, 150,9 млн евро передано в региональный трастовый фонд ЕС по ответу на сирийский кризис (*EUTF*), 42,6 млн евро - Инструменту стабильности и мира (*IcSP*) и 6,5 млн евро - Европейскому инструменту содействия демократии и правам человека (*EIDHR*) и неправительственным организациям [3].

Однако зачастую у обозревателей существуют сомнения в отношении эффективности выделения этих средств и их использования на благо Ирака (особенно в контексте политизации помощи). Исследователями отмечалось, что декларируемые публично цели по выделению внешней помощи не обязательно совпадают с реальными целями доноров [4, р. 394]. Так, согласно Стратегии ЕС для Ирака, предполагается «укрепление иракской политической системы путем поддержки усилий Ирака по установлению сбалансированной, инклюзивной, ответственной и демократической управленческой системы» [5]. Далее в документе подчеркивается, что ЕС должен осуществлять эти планы во взаимодействии с МООНСИ и Консультативной миссией ЕС в Ираке (*EU Advisory Mission to Iraq / EUAMI*) [5]. Однако *EUAMI*, будучи инструментом брюссельской бюрократии, уже сама предполагает политизацию выделения внешней помощи Ираку.

Другая упомянутая выше организация - *EUTF* - имеет в числе своих стран-основателей не только европейские государства, но и Турцию. Изначально *EUTF* призвана решать миграционные проблемы и осуществлять программы поддержки беженцев. Однако существуют мнения о неэффективности данной организации. Одним из примеров неэффективности этой структуры можно назвать отсутствие продвижения и реализации проектов

«на земле». Так, публичным провалом можно назвать ситуацию с Инициативой по поддержке иракских езидов¹, которые особенно пострадали в результате нападения ИГ на севере страны [6]. Данная инициатива была предложена иракской правозащитницей езидского происхождения, лауреатом Нобелевской премии мира Надией Мурад. EUTF решил выделить около 1 млн евро на Инициативу и в Фонд действия Синджара² (напомним, что это из 150,9 млн евро, выделенных ЕС). Однако неправительственная организация, названная именем Надии Мурад, позднее сообщила, что совсем небольшие суммы оказываются использоваться для оказания помощи дискриминируемому сообществу в Синджаре. Реальной работы не ведется ввиду отсутствия необходимых условий (до сих пор в этой зоне не разминированы мины) и интереса властей на локальном уровне [7].

Представители Китая хотя и приняли участие в Конференции, но не называли сумм, которые КНР готова вложить в восстановление Ирака. Посол Китая в Кувейте Ван Ди на конференции заявил: «Китай будет и впредь оказывать Ираку помощь в рамках своих возможностей путем двусторонних соглашений и участвовать в экономическом восстановлении разрушенной войной страны» [8]. Китайские прямые инвестиции в Ирак составляют \$20 млрд. В основном они направлены в энергетический сектор через консорциум с международными фирмами или отдельно в случае реализации проектов строительства электростанций (только в Багдаде около 60 % электричества произведено китайскими компаниями). Более того, годовой товарооборот между двумя странами превышает \$30 млрд, включая оцениваемые в \$15 млрд объемы экспорта иракской нефти [9]. Очевидно стремление китайцев работать с Ираком на двусторонней основе.

Российские представители также приняли участие в Конференции. Несмотря на отсутствие заявлений о конкретных суммах, была отмечена роль и инвестиции российского бизнеса, энергетических компаний в восстановление Ирака. Вице-премьер Аркадий Дворкович прокомментировал, что «эти инвестиции уже приносят Ираку многомиллиардные доходы, кроме того, наши компании развивают социальную инфраструктуру, строят школы, больницы, физкультурные комплексы, осуществляют разминирование территорий» [10]. Позднее в январе 2019 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил о том, что общий объем российских инвестиций в неф-

тегазовую отрасль Ирака уже превысил \$10 млрд [11], в то время как, по словам вице-премьера и сопредседателя межправительственной комиссии с российской стороны Юрия Борисова, только компания ЛУКОЙЛ планирует инвестировать до \$45 млрд в Ирак до 2035 г. [12, р. 5].

Таким образом, очевидно, что Ирак смог мобилизовать на конференции лишь часть необходимой суммы для восстановления инфраструктуры страны после войны с ИГ. К тому же основной формой внешней помощи стали не дотации Ираку, а инвестиции и кредиты для их использования в находящихся далеко за пределами освобожденных от ИГ зонах [13]. При этом обозреватели отмечали, что «иностранные фирмы присматриваются к контрактам и тендерам, которые - как стало неофициальной нормой - опечатаны колоссальными откатами и взятками» [14]. Многие доноры на кувейтской конференции заявили в основном о тех проектах, которые ранее ими уже были анонсированы в рамках других форматов, что во многом обесценивает «новизну» и качество этих заявлений. Но даже само привлечение уже выделенных средств стало труднореализуемой задачей ввиду необходимости создания иракцами условий для их вливания со стороны доноров и инвесторов.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОМОЩИ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИРАКСКИХ ЭЛИТ

Выборы в Ираке прошли в мае 2018 г., однако почти сразу начались обвинения в подтасовках, что привело к пересчету голосов и дальнейшему оттягиванию процесса формирования правительства. Весь этот период характеризовался отсутствием ясности для доноров и инвесторов. Политические элиты Ирака так и не смогли договориться в поствыборный период о правительстве на протяжении следующих трех месяцев, а первое заседание парламента страны прошло только в начале сентября 2018 г.

Согласно иракской системе квотирования мест в органах государственной власти по этноконфессиональному признаку («мухасаса таифийя» с араб.), спикером парламента был назначен суннит Мухаммад аль-Хальбуси. Президент обычно избирается парламентом из числа курдской общины страны, которая в этот раз до последнего момента не могла определиться. Две крупнейшие политические силы Иракского Курдистана - Демократическая партия Курдистана (ДПК) и Патриотический союз Курдистана (ПСК) - имели своих канди-

¹ Езиды - приверженцы езидской религии, езидизма. В мире насчитывается около 1 млн езидов, более половины которых проживает в северо-западном Ираке - в провинциях Найнава (Мосул) и Дохук (Регион Курдистан). Наиболее крупные общины езидов имеются в странах Евросоюза (в первую очередь, в Германии), а также на территории бывшего СССР (в России, Армении и Грузии). Езиды традиционно классифицировались как субэтнос курдов - «курды-езиды». Однако в настоящее время значительная часть езидского сообщества отделяет себя от курдов. В России, Армении и Грузии езиды в переписях населения учитываются в качестве отдельной национальности [6].

² Синджар - город на северо-западе Ирака, населенный преимущественно езидами (*прим. авт.*).

датов в президенты. Традиционно позицию президента Ирака занимал представитель ПСК, а президента Курдского Автономного Района (КАР) - представитель ДПК. В этот же раз ДПК выдвинула своего представителя на пост президента, соратника президента КАР Масуда Барзани и опытного главу его администрации Фуада Хусейна. Такое развитие событий вскрыло разобщенность курдов, однако арабские шиитские и суннитские политические силы выжидали, стремясь создать атмосферу для достижения договоренностей между курдами. В итоге договоренность была достигнута, и парламент избрал президентом одного из лидеров ПСК Бархама Салеха. Тем не менее, процесс формирования правительства оказался тяжелым испытанием для иракцев и соответственно доноров иракской реконструкции.

Проблемы организации выборного процесса в 2018 г. и долговременное отсутствие нового правительства в Ираке лишь усилили неопределенность и желание доноров дистанцироваться от участия в процессе восстановления страны. Явным стало и то, что находившийся в кресле премьера Хайдар аль-Абади был не способен сохранить свой пост ввиду внутриэлитных разногласий. Это делало туманными перспективы формирования нового правительства под его руководством, что в теории могло бы обеспечить стабильное развитие внутривластной обстановки и виделось желательным со стороны ряда доноров. Необходимость получения внешней помощи, однако, в итоге способствовала тому, что иракские элиты активизировали процесс стабилизации и добились распределения властных полномочий к концу 2018 г. Правительство возглавил опытный и компромиссный между различными силами политик, бывший министр нефти Ирака Адель Абдель Махди.

Однако даже в феврале 2019 г., спустя год после Кувейтской конференции, спецпредставитель генерального секретаря ООН в Ираке и глава Миссии ООН по содействию Ираку (МООНСИ) Жанин Хеннис-Пласшерт заявила о том, что «четыре министерские должности остаются вакантными, причем три из них подвержены жестким разногласиям среди политических блоков... Медленный темп формирования иракского правительства, несомненно, вызывает серьезную обеспокоенность». Только в июне 2019 г. иракский парламент утвердил назначения трех ключевых министров - внутренних дел, обороны и юстиции [15]. Во многом эти посты оказались спорными между двумя крупнейшими политическими блоками Ирака в поствыборный период - движением Муктады ас-Садра «Ас-Саирун» (садриты шли на выборы вместе с Иракской коммунистической партией) и коалицией «Фатх» во главе с Хади аль-Амири. Тем не менее, довершение формирования правительства не привело к стабилизации обстановки в стране. Несмотря на ощущение на-

мечавшихся компромиссов, иракские элиты так и не пришли к единому знаменателю и не смогли добиться эффективности действий правительства в условиях нарастающего давления иракской улицы и ожиданий доноров.

В этих условиях еще до формирования правительства в июле 2018 г. в нефтеносной Басре разразились демонстрации против засилья коррупции и бездействия властей в контексте предоставления простейших услуг населению (водоснабжение и электроэнергия). Эти протесты тогда во многом привели к невозможности Хайдером аль-Абади занять пост премьера во второй раз [16]. Но несмотря на то, что сформированное впоследствии правительство проработало только год, люди снова вышли на улицы. На этот раз протесты октября-ноября 2019 г. оказались гораздо масштабнее организационно и географически [17]. За последние годы люди научились организовано выходить на улицы и требовать своих прав. В этом случае социально-экономические причины протестов привели к вполне политическим лозунгам, включавшим - и это самое главное - уход от системы «мухасаса» и борьбу с коррупцией. Подобные процессы могут обозначать даже не тренд на коренные изменения, а настойчивое желание отдельных групп интересов в элите получить доступ к распределяемым благам.

С самого начала протестов не было ясно, стояли ли за ними какие-либо политические силы и лидеры. Однако стоит упомянуть, что ряд из них принял попытку «оседлать волну». Так, Муктада ас-Садр призвал правительство уйти в отставку и провести досрочные выборы под эгидой ООН. Несмотря на колебания премьер-министра, Адель Абдель Махди решил отказаться от предложения ас-Садра, заявив о возможности своего ухода с поста только после согласия по этому поводу крупнейших парламентских блоков и соблюдения конституционных процедур. Для этого необходимо было согласие сомневавшегося лидера второго крупнейшего блока в парламенте Хади аль-Амири. Согласно сообщениям, благодаря поддержке Хади аль-Амири и участию главы подразделения Кодс Корпуса стражей исламской революции (КСИР) Ирана Касема Сулеймани Адель Абдель Махди удалось сохранить свой пост в течение октября и ноября 2019 г. [18].

В этих условиях снова возрастала противоречивая роль МООНСИ, поскольку протестующие в социальных сетях всячески выражали свое неудовлетворение работой МООНСИ с правительством Ирака. Тем не менее, МООНСИ выступила со своим планом по урегулированию ситуации в Ираке и провела ряд встреч. Среди ключевых из них стоит назвать встречу главы Миссии Жанин Хеннис-Пласшерт с верховным духовным лидером Ирака великим аятоллой Али ас-Систани. Последний ранее уже поддержал протестантов и даже высказался о недопустимости влияния на

иракский политический процесс каких-либо внешних сил, что многие исследователи и журналисты восприняли как ответ на последнюю речь иранского рахбара, аятоллы Хаменеи. Приняв Жанин Хеннис-Пласшерт, ас-Систани выразил поддержку ООН и ей лично. Тем не менее, аятолла ас-Систани выразил обеспокоенность тем, что политическая элита Ирака недостаточно серьезно относится к проведению реформ [19]. Позднее очередное публичное обращение ас-Систани подвело премьер-министра Аделя Абдель Махди направить прошение об отставке в парламент страны, который ее принял 1 декабря 2019 г.

ЭЛИТЫ И ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЙ ПОМОЩИ

Эффективность внешней помощи во многом определяется изменением ситуации в стране в различных сферах социально-политической жизни общества [20]. Согласно результатам эмпирических исследований, считается, что внешняя помощь “работает” позитивно исключительно в государствах с эффективными политическими институтами [21]. В случае Ирака, после вторжения США в 2003 г. эффективных политических институтов создано не было. В условиях их отсутствия происходило два процесса, которые противоречиво влияли на укрепление государственности, но помогали предоставлять часть необходимых базовых социальных услуг населению. С одной стороны, имевшиеся слабые политические институты в условиях хаоса уступали свои позиции и оставляли простор для расширения деятельности традиционных институтов - племенных и религиозных. С другой стороны, различным международным и иракским неправительственным организациям с привлечением внешнего финансирования и грантов удалось закрепиться в стране. Внешнее финансирование на программы, создаваемые для Ирака извне, зачастую не находило своего воплощения в реальные и осязаемые результаты, если их реальной целью было содействовать восстановлению и развитию Ирака.

Последствия внешней помощи могут быть негативными в контексте укрепления институтов государственности. «Как и “ресурсное проклятие”, зависимость от помощи порождает конфликты между группами интересов в странах-реципиентах, втягивая их в борьбу за ее распределение» [21, с. 72]. По одной из версий именно фактор привлечения помощи и ее распределения можно назвать в качестве одной из ключевых проблем взаимодействия элит в Ираке в постигилловский период. Масштабные и крупнейшие с 2003 г. протесты в Ираке октября 2019 г. стоит рассматривать, в т.ч., и с этих позиций [22].

Массовые социальные движения в Ираке 2018-2019 гг. связаны с социально-экономической ситуацией в стране, отсутствием надлежаще-

го уровня предоставления правительством социальных услуг населению, проблемами в сфере здравоохранения, водо- и электроснабжения, высоким уровнем безработицы, особенно, у молодежи. Выходившие по всей стране протестанты видели истоки этих проблем в неэффективности всех правительств постсаддамовского Ирака и сложившейся после 2003 г. системе квотирования государственных должностей по этноконфессиональному признаку («мухасаса таифийя» с араб.). Кроме того, накопилась критическая масса и психологическая усталость от существующего в стране хаоса политических сил. Важно то, что именно государство - главный работодатель в стране [23]. Это говорит об отсутствии развития частного сектора в условиях рентной экономики. Согласно данным МВФ, с продажи углеводородов Ирак получает до 90% своих доходов [24].

Государственное устройство с перераспределением между кланами элиты ресурсов и благ, приходящих в страну в виде доходов от нефти, продолжает определять существо системы. В этом плане крупные внешние финансовые вливания также обладают серьезным влиянием на внутри-элитный расклад. Протестные акции 2018-2019 гг. вскрыли недовольство масс схемами перераспределения получения представителями кланов доступа к ресурсам. В целом в обществе созрел запрос на проведение реформ в пользу коренных изменений системы, развития институтов и поддержки частного сектора. Сложившаяся после 2003 г. элита сохраняет свои позиции, но ей будет необходимо скорректировать технику ведения политического процесса.

* * *

Во многом обещавшие в феврале 2018 г. на Международной конференции по восстановлению Ирака вложить средства доноры находились в зависимости от внутривнутриполитических процессов в стране, поскольку знали о грядущем новом избирательном цикле. Большинство проектов внешней помощи Ираку предполагали помощь не в виде грантов, а инвестиций и кредитных линий. Отдельные государства предпочли действовать на двусторонней основе, что официально не учитывается в рамках внешней помощи Ираку, но де-факто влияет на ситуацию «на земле». Последнее представляется эффективным, поскольку иракские элиты более подготовлены к работе с такими партнерами. Несмотря на глубокие расхождения, фактор необходимости получения внешних средств повлиял и на поиск правящими элитами компромиссов, как, например, это случилось в контексте формирования правительства по итогам выборов 2018 г. Тем не менее, проблемы обеспечения безопасности, политическая нестабильность, коррупция и неэффективность государственных институтов негативно влияют на привлечение внешней помощи.

Внешняя помощь, с одной стороны, позитивно влияет на ситуацию в стране с точки зрения поддержки населения, но, с другой стороны, имеет ряд негативных эффектов. Так, в условиях внешней помощи правящая элита впадает в зависимость от нее и консервирует ситуацию. Клановые элиты проходят через борьбу за распределение и управление этой внешней помощью, что рождает напряженность между внутрииракскими ак-

торами. Изначальное отсутствие внешней помощи и необходимости ее получения в целом подводит элиты к компромиссному взаимодействию. Тем не менее, в иракских условиях на этот процесс влияют и другие факторы, в т.ч. и вопрос перераспределения средств. Все это приводит к незавершенности поиска компромисса между элитами и необходимостью дополнительного согласования.

Список литературы / References

1. Iraq. Reconstruction and investment. Part 2. Assessing the damage and needs of the affected governorates. World Bank. (In Arab.). <http://documents.worldbank.org/curated/en/160691520000589687/pdf/123631-v2-ARABIC-OUO-9-Part-2-Arabic.pdf> (accessed 05.02.2019)
2. Donors pledge \$30 bn for Iraq reconstruction at Kuwait conference. *France 24*. <https://www.france24.com/en/20180214-donors-pledge-30-bn-iraq-reconstruction-kuwait-conference> (accessed 09.07.2019)
3. The EU and Iraq Factsheet. *European External Action Service*. https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_and_iraq_factsheet_updated.pdf (accessed 09.08.2019)
4. Woods N. 2005. The shifting politics of foreign aid. *International Affairs*. Vol. 81, № 2, pp. 393-409.
5. Council of the EU conclusions on Iraq. *Foreign Affairs Council*. <https://www.consilium.europa.eu/media/32406/st05285en18.pdf> (accessed 10.08.2019)
6. Мосаки Н.З., Пирбари Д.В. Кончина эмира езидов и будущее езидской общины. *Азия и Африка сегодня*. М., 2019, № 11, с. 49-54. (Mosaki N.Z., Pirbari D.V. 2019. The Death of Mir Tahsin Beg and the Future of the Yezidi Community. *Asia and Africa today*. Moscow) (In Russ.)
7. EU aid not reaching Yazidi in northern Iraq, says NGO. *EUobserver*. <https://euobserver.com/migration/142272> (accessed 20.07.2019)
8. Envoy: China to participate in Iraq reconstruction. *China Daily*. <https://www.chinadailyhk.com/articles/192/238/105/1518671884430.html> (accessed 20.07.2019)
9. Iraq, China launch 'oil for reconstruction' agreement. *Al-Monitor*. <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/10/iraq-china-india-oil-construction.html> (accessed 24.06.2019)
10. Дворкович отметил вклад российского бизнеса в восстановление Ирака. *РИА Новости*. 14.02.2019. (Dvorkovich noted the contribution of Russian business in the reconstruction of Iraq. *RIA Novosti*. 14.02.2019) (In Russ.). <https://ria.ru/20180214/1514607439.html> (accessed 20.03.2019)
11. «Полное совпадение взглядов». Главы МИД России и Ирака обсудили ближневосточную тематику. *ИТАР-ТАСС*. 30.01.2019. ("Full Coincidence of Views". Russian and Iraqi Foreign Ministers discuss the Middle East issues. *ITAR-TASS*. 30.01.2019) (In Russ.). <https://tass.ru/politika/6061016> (accessed 26.08.2019)
12. Katona V., Mamedov R. 2019. Russia's Interests in the Arab Mashreq: Analyzing the Future of Oil and Gas in Iraq and Syria. *Russian International Affairs Council*. Moscow.
13. Conference for Iraq draws investors instead of donors. *Al-Monitor*. <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/02/kuwait-iraq-reconstruction-investment.html> (accessed 23.07.2019)
14. A year after Kuwait conference, Iraq is no closer to reconstruction. *Arab Weekly*. <https://the arabweekly.com/year-after-kuwait-conference-iraq-no-closer-reconstruction> (accessed 23.07.2019)
15. Парламент Ирака утвердил министров внутренних дел, обороны и юстиции. *РИА Новости*. 24.06.2019. (The Parliament of Iraq approved the Ministers of the Interior, Defense and Justice. *RIA Novosti*. 24.06.2019) (In Russ.). <https://ria.ru/20190624/1555856140.html> (accessed 25.08.2019)
16. Ирак решил вопрос о власти. *Коммерсант*. (Iraq resolves the issue of power. *Kommersant*) (In Russ.). <https://www.kommersant.ru/doc/3759641> (accessed 29.08.2019)
17. Багдад встретил безработицу в штыки. *РБК*. (Baghdad met unemployment with hostility. *RBC*) (In Russ.). <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/10/08/5d9afca49a79471a42725093> (accessed 29.08.2019)
18. Iraqi PM Abdul-Mahdi refuses to resign over deadly protests. *Arab News*. <https://www.arabnews.com/node/1575161/middle-east> (accessed 30.08.2019)
19. UN: Sistani Concerned Politicians Not Serious Enough on Reforms. *Al-Awsat*. <https://aawsat.com/english/home/article/1986566/un-sistani-concerned-politicians-not-serious-enough-reforms> (accessed 13.11.2019)
20. Yiew T.H., Lau E. 2018. Does Foreign Aid Contribute to or Impede Economic Growth. *Journal of International Studies*. Vol. 11, № 3, pp. 21-30.
21. Бартенев В.И. Внешняя помощь и качество государственного управления: освобождение от иллюзий. *Политические исследования*. М., 2018, № 6, с. 79. (Bartenev V.I. 2018. Foreign Aid and the Quality of Governance: Liberation from Illusions. *Polis. Political Science*. Moscow) (In Russ.)
22. В Ираке за неделю протестов погибли более 100 человек. Как экономика страны спровоцировала «революцию голода». *РБК*. (In Iraq, more than 100 people died in a week of protests. How the country's economy provoked a «revolution of hunger». *RBC*) (In Russ.). <https://www.rbc.ru/politics/07/10/2019/5d9afca49a79471a42725093> (accessed 23.10.2019)
23. Iraq Economic Monitor: From War to Reconstruction and Economic Recovery. *World Bank Group*. <http://documents.worldbank.org/curated/en/771451524124058858/pdf/125406-WP-PUBLIC-P163016-Iraq-Economic-Monitor-text-Spring-2018-4-18-18web.pdf> (accessed 23.10.2019)
24. Как сирийская война повлияла на экономику Ирака? *Вести. Экономика*. (How has the Syrian war affected the Iraqi economy? *Vesti. Economics*) (In Russ.). <https://www.vestifinance.ru/articles/113888> (accessed 25.10.2019)